

11 декабря 2007 г., Мурманск

Путин назвал, наконец, имя преемника – Медведев. Которого было уже со счетов списали. А тот, не дожидаясь президентских выборов, предложил Путину место премьера. Дабы народ не волновался – как же мы без Путина-то будем?

Комментарий Рыклина (главного редактора «ЕЖ»):

«Усаживайтесь поудобнее. Представление только начинается!»

Письмо Володи Опекунова от 7-8 декабря 2007 г.

Александр Андреевич, прикрепляю письмо с благодарностями и некоторыми, может быть, не очень серьезными мыслями.

8.12.07 Володя Опекунов

Здравствуй, Александр Андреевич!

Сию в гостинице в Полоцке, жду когда за мной приедет дежурная машина из Локомотивного депо, чтобы отвезти меня на вокзал. Времени 22-30, до поезда ещё полтора часа, думаю успеть написать Вам. Только что закончил третью порцию Вениных рассказов. Совершенно бесхитростные произведения, они меня умиляют. Я помню обстановку 50-х годов, воспроизводится очень достоверно. Сам отправлял рыболовные суда в море и знаю, как это происходит.

Спасибо Вам за письмо и публикацию Вениных рассказов, надеюсь, что сообщение об этом вдохновит его. И очень полезны ваши рассуждения по поводу бумажных книг. Не с кем посоветоваться. И вообще, Ваши советы весьма полезны. Я помню, как Вы настаивали на том, чтобы я освоил компьютер. И, слава Богу, это удалось. Захватил с собой в Полоцк ноутбук и очень доволен, что вечер не пропадает даром.

Действительно, я люблю многих людей, и брата в том числе. И эта любовь меня согревает. Я жалею людей, душа которых переполнена ненавистью, как им трудно. С другой стороны, люди, которыми я увлекаюсь, вполне достойны этого чувства. Ими вполне искренне можно восхищаться. Это относится и к Вам, Александр Андреевич.

Иногда я думаю о природе ваших талантов и человеческих качеств и нахожу много оснований для их существования. Приятно бывает поделиться такими соображениями в компании, например, с художниками, которых Бог тоже не обидел талантами. Иногда такие суждения основываются на предположениях, а иногда и на научных данных.

Как-то Рая заметила, что многие мои друзья имеют нерусские фамилии. Я порассуждал на эту тему и, помня слова философа Виктора Федоровича Овчинникова, что талант имеет материального носителя, предположил, что с отцовской стороны у Вас весьма хорошая наследственность, что проявилось и в дяде, начальнике контрразведки. И этот носитель попал в благоприятную для себя среду, талант не был загублен на корню, а, может быть, и усилен с немецкой стороны. Другим образом я не могу объяснить загадочную природу Вашей работоспособности и творческой плодовитости. А ведь надо ещё и рыбу ловить!

То, что люди с нерусскими фамилиями в своей массе более талантливы, чем в среднем русские, можно объяснить неким естественным отбором. Чтобы оказаться в России, их предкам нужно было заявить о себе, показать, что они способны на большее, чем окружающие их русские. Мой канадский приятель Андрей Викторович Дуглас рассказывал легенду о своем предке Дугласе, который попал в плен Петру под Полтавой. Он был наёмником у Карла XII. Вместо того, чтобы отправить его в концлагерь, как это делалось в XX веке, Пётр предложил наёмникам службу на благо России. Дуглас согласился. Он же наёмник, и ему не очень важно, кому служить. Кроме того, Пётр обещал перспективы, а в Шотландии никаких перспектив не было. Андрей Дуглас нашел в Шотландии места проживания Дугласов и прислал мне фотографии тех мест. Я их узнал, так как с удовольствием смотрю английские исторические фильмы, создатели которых стремятся к исторической и географической достоверности.

Помню телевизионный фильм о советских немцах. Оказывается, в Российской Академии наук, как это было ещё во времена её основания, процент немцев значительно выше, чем в общем населении России. Мой однокурсник по техникуму Володя Зебальд не особенно хорошо учился, но порода сказала своё, он успешно прошёл путь служащего на заводе по строительству атомных подводных лодок, а потом увлёкся христианством и сейчас является пастором немецкой апостольской церкви. С удовольствием слушаю его проповеди. Особенно за столом. Он и стихи пишет. Нашел сведения о своих предках, которые когда-то владели пивоваренными заводами в Великом Устюге.

Когда мне попадаются статьи о генетических исследованиях, я стараюсь их не пропускать. Интересно было бы поговорить об этом с Митей как с биохимиком. Геном человека почти расшифрован,

и с каждым геном связывают определенные свойства и качества человека. Особенно меня поражает, что все человечество произошло всего от шести женщин, каждой из них уже присвоены имена.

Александр Андреевич, дописать письмо в Полоцке не удалось. Пришла дежурная машина, микроавтобус, и мне пришлось ехать на вокзал. На переезде простояли минут двадцать, за это время разговорились с водителем о рыбалке. Водитель уже много лет ездит на рыбалку в 50 км от Полоцка, в компании из 4 человек, один из которых, 80-летний дед, недавно умер. Ловят карасей до 1 кг весом. У этих карасей чешуя настолько прочная, что не пробивается из ружья для подводной охоты. А на спине роговая пластинка, которой карась при извлечении из воды, извернувшись, обрезает леску. Обычно это происходит на третьем-четвертом карасе. Приходится каждый раз при извлечении рыбы на ощупь проверять состояние лески. Если зазубрины ощущаются, надо перевязывать крючок. Я задумался на предмет назначения этой пластинки. Неужели это реакция на рыболовов? А если роговая пластина существовала у карасей всегда, со времени их появления на Земле, когда и рыболовов еще не было, кто мог предусмотреть, что карась будет ей резать леску? Как карась научился это делать? Одни вопросы.

И ещё интересный момент. Мы простояли на переезде минут пять, потом водитель позвонил по мобильнику своему приятелю в диспетчерскую железнодорожной станции и спросил, долго ли будет стоять состав из 20 вагонов. Диспетчер ответил, что минут 25. – Давай скорее, - потребовал водитель, я человека везу на поезд, как бы не опоздал. – Хорошо, - ответил диспетчер, - сейчас отгоним. Ситуация напомнила мне арабскую поговорку: если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Здесь же гора пошла к Магомету. Я немного представляю себе работу железнодорожного диспетчера и знаю, как не просто проводится реформирование составов на станции.

Пока водитель рассказывал о карасях, я вспомнил нашу рыбалку на Куршском заливе в конце 1980 года. Я тогда мог вблизи пронаблюдать, как Вы ловите рыбу. Впечатление очень сильное. Мне показалось, что в этом процессе участвуют какие-то сверхъестественные силы, которые вам подчиняются. В связи с этим я подумал, что при таких способностях Вам нужно как-нибудь поучаствовать в соревнованиях рыболовов-любителей где-нибудь в Англии, где проводятся чуть ли не мировые чемпионаты. Я бы не удивился, если бы увидел по телевидению сюжет о победе русского профессора над герцогами и графами. Конечно, для этого надо приехать на место пораньше, немного освоиться на местности и потренироваться в применяемых снастях. Другое дело, что может потребоваться какой-либо квалификационный документ, позволяющий Вам участвовать в таком чемпионате. А, может быть, его и не надо.

Я как-то читал об одном англичанине, который участвовал в соревнованиях лыжников – прыгунов с трамплина в разных странах. В Англии этот вид спорта не культивируется, у них нет ни одного трамплина, никакой федерации, но этот англичанин самовольно выступал за Англию, отстаивал ее честь. Прыгать он не умел, каждый его прыжок заканчивался тяжёлыми травмами, но он не прекращал свои выступления, пока организаторы соревнований не поняли, с кем имеют дело, и не запретили ему выступать. Вся Англия заступилась за него. Вопрос обсуждался на самом высоком государственном уровне, и под давлением общественности ему выдали какой-то документ, позволяющий ему отстаивать честь Родины. А вопрос ставился так: позорит он честь или отстаивает? Пришли к мнению, что отстаивает, если больше никому. У нас бы он такой документ никогда не получил. Валерий Попенченко писал в Центральный Комитет партии, чтобы ему разрешили бой с американскими боксерами, но разрешения не получил. А уж квалификация его была самой высокой.

На этом желаю Вам крепкого здоровья и творческих успехов. Свой сайт будем наполнять. До свидания. Володя Опекунов.

Мой ответ ему от 11 декабря 2007 г.

Добрый день, Володя!

Спасибо за письмо. Одно только замечание: дядя мой был начальником **разведки** Черноморского флота, а не контрразведки. Контрразведка – это борьба со шпионами, вредителями и врагами народа, чем занимались ЧК, ГПУ, НКВД, Особые Отделы, КГБ и ФСБ, а разведка – это вид военной деятельности.

Ваш ААН

Подписание очередного договора с очередными норвежцами 10 декабря 2007 г.

Мой зам – Светлана Деркач.

Письмо Володи Аксёнова от 14 декабря 2007 г.

Саши, привет!

Захотелось пообщаться с не самыми плохими на этом свете людьми.

Получил очередную порцию почти полового (как это - уже не помню, но шарман, господа, шарман!) удовольствия - зачитал продолжение "Записок".

Понравилось письмо Иры Захаренковой - кратко (что-то там про сестру таланта), информативно и приятно.

Так что, Саша, не слушай ты дураков-бездельников и пиши как пишется.

СочЮйствую по поводу глухаря с рыбалкой. Но, Саш, совет бывшего моремана: морские вояжи на катере в ваших краях далее нескольких миль - чревато! Лучше смотри аналогичные телефильмы.

Понравился Губерман? - пжалста в приложении.

Не помню, писал ли по поводу "Проекта России" - очередной политический хит, есть в Сети. Ввиду собственной занятости обременил Румянцева Олега.

Его рецензия:

"Просмотрел по диагонали "Проект Россия". Отдельные главы прочитал.

Что я могу сказать, как проживший в этой стране не один год?

Мое мнение - писали ребята из конторы глубокого бурения. С привлечением их же коллег из батькОв. Есть структуры, которые не могут существовать без врага. Армия, например. Если нет врага - наступает её разложение. Вспомни ельцинские времена. Матрозарии служили у стенки на остатках боевых кораблей. А многие - так и в море не выходили. На БС - не более одного ракетноносца. А зачем? Воевать не собираемся. А уж чекистам - непонятно какую безопасность блюсти. Начали ученых сажать, якобы за разглашение. В России почти нет технологических тайн. Да и те остались в наследство от Союза. Но учитывая, сколько народу свалило за бугор, осталось в СНГ, продавалось фондам всяким... А враг бывает унутряный и унешний. А то, что Америка нас хочет видеть слабой - так это естественно. Так

же как и Китай. Мир может быть, по большому счёту, либо - однополярным, либо - многополярным. Что касается вмешательства в культурную и бытовую традицию народа - так это последствия глобализации, и это, к сожалению, не отменить.

Не смотрел вторую книгу, но рецепты - известны. Можно затормозить, вводя железный занавес, или контроль интернета, но, на мой взгляд, это не выход. С другой стороны - народ не переделаешь. И не осчастливишь. В целом, мне больше импонирует объяснение Льва Гумилева. В частности, его теория пассионарности этносов. Вот мы-то, похоже, и скатились в акматическую (?) фазу: пассионариев нет (это у кого перчинка в жопе), буйных - мало, вот и нету вожаков.

... при большом числе повторов и рефренов (для нагнетания страстей?), читается легко. Как Краткий курс т. Сталина."

Чтой-то мне, Саши, очень хотца с Вами зае..... . "Старым Кёнигсбергом", к примеру. Вам поностальгировать, а мне с родственными душами пообщаться. Так что будете мимо пробегать - засакивайте ...

Могет, и присоветую (пока жив), как финансовую проблему, окромя работы, решить. - Смогнёте спокойно заняться "Записками".

Старик

К письму была прицеплена подборка из Губермана. Вот кое-что из неё.

Игорь Губерман

Давно пора, ебена мать, умом Россию понимать!

Держа самих себя на мушке,
в чем наша слава, честь и сила,
Мы держим подлых у кормушки,
А слабоумных у кормила.

Боюсь, как дьявольской напасти,
Освободительских забот,
Когда рабы приходят к власти,
Они куда страшней господ.

Россия веками рыдает
О детях любимых своих,
Она самых лучших съедает
И плачет печалась о них.

Открыв сомкнуты негой взоры,
Россия вышла в неглиже
Навстречу утренней Авроры,
Готовой к выстрелу уже.

Ошалев от передряг,
Спотыкаясь, как калеки,
Мы вернули бы варяг,
Но они сбежали в греки.

Мы варимся в странном компоте,
Где лгут за глаза и в глаза,
Где каждый в отдельности против,
А вместе — решительно за.

Когда страна одна — семья,
Все по любви живут и ладят;
Скажи мне, кто твой друг, и я
Скажу, за что тебя посадят.

Россия пребудет во веки веков
Под боем державных курантов
Страной казнокрадов, святых, мудаков,
Пропойц и блаженных талантов.

Сегодня приторно и пресно
В любом банановом раю,
И лишь в России интересно,
Поскольку бездны на краю.

Плодит начальников держава,
Не оставляя лишних мест;
Где раньше лошадь вольно ржала,
Теперь начальник водку ест.

Российские штормы и штили,
Ритмично и сами собой
Меняясь по форме и в силе,
Сменяют грабеж на разбой.

В тюрьме я поневоле слушал радио
И думал о загадочной России:
Затоптана, изгажена, раскрадена,
А песни — о душевности и силе.

Полна неграмотных ученых и
Добросовестных предателей
Страна счастливых заключенных
И удрученных надзирателей.

В России нынче пакостней всего
Привычка от партера до галерки
Снимать штаны задолго до того,
Как жопа назначается для порки.

Порядка мы жаждем! Как формы для теста.
И скоро мясной мускулистый мессия
Для миссии этой заступит на место,
И снова, как встарь, присмирееет Россия.

Сильна Россия чудесами
И не устала их плести:
Здесь выбирают овцы сами
Себе волков себя пасти.

КАК СОЛОМОН О РОЗЕ

Стало скучно в нашем крае,
Не с кем ляды поточить,
Все уехали в Израиль
Ностальгией сплин лечить.

В эпоху, когда ценность информации
Окрасила эпоху, как чернила,
Повысились и акции той нации,
Которая всегда ее ценила.

Летит еврей, несясь над бездной,
От жизни трудной к жизни тяжелой,
И личный занавес железный
Везет под импортной рубашкой.

Фортуна с евреем крута,
Поскольку в еврея вместилась
И русской души широта,
И задницы русской терпимость.

Сомненья мне душу изранили
И печень до почек проели;
Как славно жилось бы в Израиле,
Когда б не жара и евреи.

Все предрассудки прочь отбросив,
Но чтоб от Бога по секрету,
Свинину ест мудрец Иосиф
И громко хвалит рыбу эту.

Век за веком: на небе — луна,
У подростка томленье свободы,
У России тяжелые годы,
У еврея — болеет жена.

Когда черпается счастье полной миской,
Когда каждый жизнерадостен и весел,
Тетя Песя остается пессимисткой,
Потому что есть ума у тети Песи.

Носятся слухи в житейском эфире,
Будто уже до пожара за час
Каждый еврей говорит своей Фире:
Фира, а где там страховка у нас?

Письма грустные приходят

От уехавших мошенников:
У евреев на свободе
Мерзнут шеи без ошейников.

Свежестью весны благоуханна,
Нежностью цветущая, как сад,
Чудной красотой сияла Ханна
Двадцать килограмм тому назад.

Весенний воробей
В любви апофеозе
Поет среди ветвей,
Как Соломон о Розе.

СЕМЬЯ ОТ БОГА НАМ ДАНА,
ЗАМЕНА СЧАСТИЮ ОНА

Съев пуды совместной каши
И года отдав борьбе,
Всем хорошим в бабах наших
Мы обязаны себе.

Не судьбы грядущей тучи,
Не трясина будней низких,
Нас всего сильнее мучит
Недалекость самых близких.

Семья — надежнейшее благо,
Ладья в житейское ненастье,
И с ней сравнима только влага,
С которой легче это счастье.

Завел семью. Родились дети,
Скитаюсь в поисках монет.
Без женщин жить нельзя на свете,
А с ними — вовсе жизни нет.

Удачливый и смелый нарушитель
Законности, традиций, тишины,
Судьбы своей решительный вершитель,
Мучительно боюсь я слез жены.

Господь жесток. Зеленых неучей,
Нас обращает в желтых он,
А с тайку нежных тонких девочек —
В толпу сварливых, грузных жен.

Жена довольно многое должна
Уметь, ничуть не меньше понимая;
Прекрасна молчаливая жена,
Хоть, кажется, прекраснее немая.

Разбуженный светом, ожившим в окне,
Я вновь натянул одеяло;
Я прерванный сон об измене жене
Хотел досмотреть до финала.

Вполне владеть своей женой
И управлять своим семейством —
Куда труднее, чем страной,
Хотя и мельче по злодействам.

УВЫ, НО УЛУЧШИТЬ БЮДЖЕТ
НЕЛЬЗЯ, НЕ ЗАПАЧКА В МАНЖЕТ

К бумаге страстью занедужив,
Писатель был мужик ледащий;
Стонала тема: глубже, глубже;
А он был в силах только чаще.

Вполне по справедливости сейчас
Мы трудимся, воруем и живем;
Режим паразитирует на нас,
А мы паразитируем на нем.

Почему-то сейчас у сограждан,
И особенно в развитом слое,
Удивительно острая жажда
Получать много больше, чем стоить.

От старика до пионера
Сего дня тащат все вокруг,
И не крадет одна Венера,
Поскольку не имеет рук.

Кончилось время романтики чистой,
Всюду господство приборов и краников;
Девушки грезят о киноартистах,
А рожают — от киномехаников.

Есть в каждой нравственной системе
Идея, общая для всех:
Нельзя и с теми быть, и с теми,
Не предавая тех и тех.

Нам охота себя в нашем веке
Уберечь, как покой на вокзале,
Но уже древнеримские греки
Издеваясь об этом писали.

Что-то у страны моей в утробе

С собственной природой не в ладу:
Школа убивает вкус к учебе,
А работа — рвение к труду.

Старик, держи рассудок ясным,
Смотря житейское кино:
Дерьмо бывает первокласным,
Но это все-таки говно.

Все так устали симулировать
Свою лояльность, долг и страсть,
Что симулянтов стимулировать
Сильней скупая стала власть.
Но поздно, поздно.

С улыбкой от уха до уха,
Любимица власти и публики,
Цветет по Руси показуха
И дырки сбывает как бублики.

Я ответил Аксёнову:

Привет, Володя!
Спасибо за письмо. Мы будем в Сестрорецке с 24.12 по 4.01. На Новый год туда приедут Митя и Ирина. Надеюсь, повидаемся и с тобой.
Саша

16 декабря 2007 г., Мурманск

Я всё собираюсь описать как-нибудь свой проректорский день – чем занимаюсь, за что, собственно, деньги получаю. Вот попробую сейчас, благо сегодня воскресенье, погода мерзкая – дождь уже третий день, снег почти весь смыло, на лыжах не покатаешься, за окном темень полуденная, а дома служебный ноутбук, и не надо тащиться по такой погоде в университет к компьютеру, хотя работается в выходные там лучше, чем дома: я один в ректорате, никто и ничто не отвлекает, да и перемещение от дома к университету и обратно полезно для здоровья, особенно подъём на нашу гору, к которому я добавляю ещё и подъём по лестнице на девятый этаж.

Встаю я обычно в шесть часов. Первичный туалет, температура воздуха за окном, записываю в дневник погоды, взвешивание (огорчаюсь, если более 80 кг, надо бы хотя бы 78, как 20 лет назад, а так – 79,5 – 81,0, правда, это в сезонное отсутствие рыбалок и лыж), измерение давления (135 на 85 в среднем, но редко выше 140 на 90 и ниже 120 на 80), наношу цифры на график зависимости давления от времени. На всё это уходит минут 20-25.

Следующие минут 35-40 – зарядка. Подтягивание на перекладине (не так ещё давно было 9-10 раз, потом вообще пришлось отказаться из-за боли в левом локтевом суставе, потом возобновил, начиная с трёх раз и теперь дошёл до восьми), упражнения лёжа на спине для моего многострадального позвоночника. Главные – подъёмы верхней части туловища с руками на затылке и поднятыми вверх полусогнутыми ногами, при этом качается пресс и массируется поясница. Начинал я со ста подъёмов (со стоном в конце), а теперь делаю три раза по двести, а между этими разами делаю по двести выгибов середины туловища от пола вверх, и ловлю при этом кайф, отдыхая от предыдущего упражнения. Делая эти упражнения лёжа на спине на полу, я не испытываю никаких болевых ощущений в пояснице, которые появляются довольно

быстро, как только я становлюсь на ноги. Затем снова перекладина – вишу с вытянутыми вперёд ногами. Затем 25 отжиманий от пола, а после них 20 «жошачьих» потягиваний (ладони и колени на полу). И последний подход к перекладине – висеть минуту, но сил в руках часто хватает лишь секунд на 40-50.

В семь утра заканчиваю зарядку, приступаю к бритью. С 7.10 до 7.25 накрываю на кухне стол к завтраку. В этот момент встаёт Сашуля. Завтракаем с ней с 7.30 до 8.00. У меня обязательный творог (100 г.), залитый молоком, у Сашули те же 100 г творога с вареньем и кофе, а у меня после творога кофе с парой бутербродов со шпротами и мойвенной икрой, изредка – для разнообразия – с сыром или колбасой, или ветчиной. Кофе по будним утрам пью растворимый – «Нескафе» или «Якобс Монарх», в выходные Сашуля варит из молотых зёрен.

После завтрака готовим еду с собой на работу. Я пару бутербродов с горбушей или (реже) сёмгой, Сашуля – пельмени, салаты в баночке для их дамской компании в ПГИ. Затем приём таблеток от давления (энап, гипотиазид) и для мозгов (луцетам, гинкго билоба), а на закуску несколько горошин аскорбинки. Затем вторичный туалет с обязательным чтением чего-нибудь на иностранных языках для их изучения. Теперь вот Жорж Санд читаю на французском («Франсуа – найдёныш»).

В 8.15-8.20 выхожу из дому, минут за семь спускаюсь к троллейбусной остановке, хромя в конце спуска (позвоночник мой спуски особенно не любит), минуты 2-3 в среднем жду троллейбуса, за десять минут проезжаю 6 остановок до универсама «Мурманск» и оттуда за десять минут дохожу до запасного входа в ректорат, пересекая по диагонали весь университетский двор, образованный десятком корпусов постройки различных советских лет, включая плац с флажгоком. На этом плацу ежеутренне проходят построения курсантов Морской академии, с которых они отправляются на занятия строем под барабанную дробь.

Я поднимаюсь в ректорат с «чёрного» крыльца, открываю дверь в приёмную. Передо мной по стойке «мирно» вытягивается дежурный курсант, отдаёт честь и докладывает: - Товарищ проректор! За время моего дежурства никаких происшествий не произошло. Рассыльный по ректорату, курсант такой-то!

Я отвечаю ему: - Вольно. С добрым утром.

Приветствую секретарей – секретаря-референта ректора Наталью Евгеньевну Горяинову и секретаря проректоров Оксану Борисовну Романенко. Им за тридцать каждой, до сорока ещё далеко. Женщины они серьёзные, ответственные, симпатичные, обучаемые, работать с ними приятно. При посетителях я обращаюсь к ним по имени и отчеству, а в остальных случаях – по имени и на ты с их согласия.

Снимаю с сигнализации свой кабинет, открываю дверь, украшенную табличкой «Проректор по научной работе Намгаладзе Александр Андреевич», и форточку для проветривания, раздеваюсь, причёсываюсь, отмечаю сегодняшнюю дату на всех календарях (два на стенах, два на столе), включаю компьютер, вишу на двери, сколько пальцы рук терпят, и плюхаюсь в своё шикарное, крутящееся проректорское кресло. Обычно это происходит в 8.50. В это же время и ректор появляется, которого привозят из дома на нашем новом ректорском джипе.

Первые полчаса своего рабочего дня я провожу, приникши к компьютеру. Сначала почта, потом Интернет. Смотрю, как «Записки» читают. В Прозе.Ру количество новых читателей растёт заметно быстрее (по 15-40 в день), чем на моём сайте в Трипде (по 3-6 в день, хотя вчера был рекордный выброс – 30). Затем просматриваю прессу. В «Еженедельном Журнале» и «Гранях.Ру» читаю практически всё, проглядываю всю «Газету.Ру», но читаю только избранное в «Комментариях» (если есть что Натальи Геворкян – обязательно).

Около 9.20 утра приходит Оксана и приносит папку с платёжными поручениями. С этого момента начинается собственно моя проректорская работа, которая на 50% времени состоит в подписывании всякого рода документов.

Платёжные поручения – самые важные из них. Это поручения банку перечислить наши деньги с нашего счёта на счета наших поставщиков товаров и услуг. Право подписывать эти финансовые документы имеют и другие проректора – Дубровин (проректор по учебной работе), Панкратов (проректор по морскому образованию) и Середа (проректор по дистанционному обучению), но Панкратов сидит в Морской Академии – в стороне от ректората и бумаг, а у Дубровина и Середы часто утренние пары и их нет на месте в ректорате, так что платёжки подписывать чаще всех приходится мне. Обычно их число составляет штук 20-40 (а иногда 100 и более) и подписать их надо с утра, чтобы успеть провести через банк.

А далее в течение всего рабочего дня я подписываю: распоряжения типа «ОК (Отделу Кадров) – в приказ» на увольнение, приём на работу, премирование, переводы с места на место, отпуска и т.д., и т.п., а затем и сами приказы, «Бух. – оплатить» - счета, счета-фактуры на поставляемую нам продукцию от компьютеров до продуктов для столовой, ведомости на зарплату и прочие выплаты, подписываю командировочные удостоверения и отчёты по командировкам, контракты, хозяйственные договора и акты об их выполнении, разрешения на закупку хозяйственных и канцелярских товаров, протоколы заседаний всяких Советов и комиссий, всевозможные справки для военкоматов и сотрудников об их зарплате, дипломы и академические справки, Почётные грамоты и благодарности – нет сил всё вспомнить и упомянуть.

Разумеется, подписывать всё подряд без передышки никаких сил не хватит, поэтому процесс идёт таким образом: штук пять-семь подписей поставил – в компьютер, что по левую руку от меня, заглянул. Там минуту-другую почитал, понабирал – опять к подписыванию бумаг вернулся. И так весь день: налево – к компьютеру, прямо передо мной – бумаги на подписи, справа – посетитель очередной сидит.

В результате к обеду мне удаётся подписать основную массу бумаг (от 60 до 80% дневного объёма) и просмотреть всё интересующее меня в Интернете, а это кроме уже упомянутого – «Спорт-экспресс», сайт СК «Зенит» Санкт-Петербург, «Коммерсант», иногда «НГ». По понедельникам ещё обязательно «Код доступа» Юлии Латыниной (бой-баба, хоть и с перегибами иногда в стилистике, но с убийственными оценками путинского режима, как бы её саму не хлопнули путинские сатрапы) из «Эха Москвы». Вот пока она вещает, можно утверждать, что какие-то остатки демократии в России ещё существуют.

Из других дообеденных дел следует отметить малые ректораты по вторникам, на которых ректор заслушивает еженедельные отчёты проректоров, главбуха (начальника управления бухчёта и контроля, вместо Ковцевой сейчас это Шаньгина Таисия Викторовна), начфина (начальника управления экономики и финансов, вместо Тумановой это сейчас Фёдорова Марина Вячеславовна), начальников юротдела и отдела мореплавания (отдел УПС – Учебно-парусного судна «Седов»). Малые ректораты – это место, где ректор делает втыки своим подчинённым и информирует их о своих намерениях, пресекая всякие попытки подчинённых устроить междуусобные разборки: между собой, пожалуйста, сами и разбирайтесь, а мне тут не жалуйтесь. Жаловаться на коллег допускается в разговорах с ректором тет-а-тет.

В обед (с 13 до 14 часов) я в последнее время хожу в университетскую столовую, где кормят очень прилично по цене и качеству. Обычно я беру рыбу (палтуса или треску) с картошкой, салат из помидоров, огурцов и/или свежей капусты и чай с лимоном, за что плачу не более 70 рублей, то есть двух евро. Первое беру только тогда, когда есть мой любимый с детства гороховый суп или рыбацкая уха из палтуса и трески.

Из столовой я возвращаюсь в кабинет, где спокойно могу покимарить полчаса в своём уютном проректорском кресле.

В обеденный перерыв в так называемом Зале переговоров отмечают дни рождения членов ректората и руководителей важнейших служб. Коллеги скидываются на подарок рублей по двести обычно, а виновник торжества ставит коньяк, водку и вино и закуску, которая качественно и разнообразно обеспечивается Аллой Михайловной Сафоновой – заведующей нашей столовой.

В 14.00 начинается вторая половина дня, когда к компьютеру повернуться мне практически не удаётся.

Через день я провожу заседания конкурсной комиссии по закупкам товаров и услуг для МГТУ, председателем которой я являюсь. Задача комиссии – оптимально (то есть с наилучшим качеством за наименьшую цену) выбрать поставщика. Тут есть, что описывать в части процедуры и возникающих проблем. Эта работа вознаграждается в конце года, и в нынешнем году премия составила по два среднемесячных заработка всем членам комиссии, а штрафы за нарушения процедуры нынче составляют порядка тысячи долларов с каждого члена комиссии. У нас в этом году был один штрафной случай, но тогда брали только по две тысячи рублей с каждого. Штрафует Антимонопольная служба по жалобам участников конкурса.

Раз в две недели проходят так называемые ректораты, на которых перед ректором отчитываются деканы всех факультетов и руководители всех университетских служб. Главное, что интересует ректора на этих собраниях, – как идёт сбор оплаты за обучение с обучающихся на платной основе.

Каждую последнюю пятницу месяца проходит Учёный Совет МГТУ, первую половину времени которого обычно занимают процедуры представления к разным званиям (типа доцент, профессор) и избрания на всякие преподавательские должности, а вторую – всякие отчёты и рекомендации к изданию монографий и учебных пособий. Менее регулярно собирается Научно-технический совет МГТУ, который я возглавляю, решающий проблемы науки и инноваций, в частности, осуществляющий проведение конкурсов среди профессорско-преподавательского состава (ППС) по итогам их научной деятельности.

Во второй половине дня я разбираю почту (раскладываю бумаги: эти на столе справа оставить, эти в поддон на тумбочке, эти по папкам раскидать) и общаюсь по мере надобности с руководителями подчинённых мне служб – начальником НИСа (научно-исследовательского сектора) Аскольдом Владимировичем Немыченковым и его молодым заместителем Мишей (Михаилом Владимировичем) Кичангиным, начальником ОНТИ (отдела научно-технической информации) Валентиной Степановной Карповой, начальником ОА и ГБ НИР (отдела аспирантуры и госбюджетных научно-исследовательских работ) Диной Николаевной Довидченко, свежее испечённым молодым начальником международного отдела Артуром Хамитовичем Ильясовым, начальником Издательско-полиграфического центра Андреем Юрьевичем Балаганским и главным редактором нашей газеты «Университетский курьер» Анной Ивановной Куликовой, с некоторых пор подчинённой Балаганскому, но предпочитающей по своим проблемам общаться напрямую со мной, а не с ним, что мне, конечно, жизни не облегчает.

Зато появление Светланы Ростиславовны Деркач в статусе моего заместителя жизнь мне существенно облегчило и мои надежды на этот счёт полностью оправдало: она теперь выступает эдаким буфером между мной и перечисленными выше моими подчинёнными.

А у меня ведь есть ещё кафедра физики, аспиранты и редакция журнала «Вестник МГТУ».

На кафедре и в редакции журнала всё, слава Богу, идёт своим накатанным чередом благодаря моим надёжным помощникам – технику кафедры физики Надежде Алексеевне Ивановой, моему замзавкафедрой Олегу Александровичу Никонову и

моему замглавреда Олегу Мартыненко, он же и наставник моих аспирантов в части овладения программой нашей модели UAM – Upper Atmosphere Model.

А вот с самими аспирантами и, как следствие, с моей наукой всё идёт далеко не так, как хотелось бы.

Бросили совсем аспирантуру Лена Васильева, Илья Артамонов, Миша Гладких (а до того Вера Медведева, Люда Чернюк, Оля Волотцкова и Юля Шаповалова), на каждого из которых (за исключением Миши Гладких, которого опекал Олег Мартыненко) я потратил массу сил и времени. У всех причина одна – надо деньги зарабатывать, а в науке это не светит.

Остались и дошли до состояния написания диссертаций Юля Зубова, Маша Князева и Лена Доронина. Свои диссертации они пишут и кусками мне на прочтение носят. Но медленно, очень медленно идёт этот процесс. И опять же всё из-за необходимости зарабатывать на жизнь и соглашаться ради этого на непомерные преподавательские нагрузки.

Реально новые научные результаты получают лишь Олег Золотов и Боря Прохоров. Олег работает, в сущности, в паре с Ирой Захаренковой по ионосферным предвестникам землетрясений, развивая то, что мы начали с Володей и Максимом Клименками, и его результаты мне лично кажутся очень перспективными, не только в плане защиты его кандидатской диссертации, но и в сугубо научном плане (вкуче с результатами Захаренковой и Шагиумуратова).

Боря же Прохоров – уникал, живущий в Мишуково, на том берегу Кольского залива, зарабатывающий на жизнь ремонтом катеров и судов, имеющий хобби – подводное плавание в Кольском заливе с охотой на пинагор и за «сокровищами» затонувших кораблей. Боря провёл и проводит уйму численных экспериментов с нашей моделью, которые, к сожалению, пока ставят больше новых вопросов, чем дают ответов.

Света Порубова закончила аспирантуру практически с нулевым результатом, будучи поглощена судебной тяжбой с бывшим мужем по поводу их квартиры, которую она проиграла. Света работает в редакции, обучает фитнесу где-то на стороне и преподаёт физику на кафедре, хочет продолжить работать над диссертацией, но хватит ли у неё сил на всё это вместе?

Ира Кораблёва числится моей аспиранткой, восстановившейся в аспирантуре после выхода из декретного отпуска. Она работает на полставки в ПГИ, и вместе с Сашулей они выполнили вполне приличную работу, принятую с незначительными замечаниями для публикации в «Геомагнетизме и Аэронауке». В плане защиты Ира, безусловно, перспективна, поскольку трудолюбива и безо всяких комплексов реагирует на мои замечания, не смущаясь тем, что не всегда всё понимает. Жаль только, что она не под боком, и уследить за её деятельностью, чтобы её подправить, не всегда удаётся.

В этом году поступила ко мне в аспирантуру Маша Ботова. Добросовестна и трудолюбива, но отказаться от педагогической нагрузки на кафедре на полторы ставки не хочет – деньги нужны.

Более всего меня огорчает крах моей затеи с сайтом по модели.

Тут я не удержусь, чтобы не бросить камень в огород моего любимого Олега Мартыненко. Его критиканство не улучшило сайт, а просто заморозило работу над ним. Не знаю, что и делать. Одна надежда – может, Сашуля, выйдя на пенсию, этим займётся. А ведь этот сайт, пожалуй, и важнее, моих «Записок», поскольку в нём я хотел бы сохранить не только свои личные знания о физике и математическом моделировании верхней атмосферы, но и результаты массы других людей, моих учеников, в первую очередь, но и не только их.

Так вот, встречи с аспирантами у меня являются приоритетными, я принимаю их в любое время безо всякой очереди, и читаю и правлю всё, что они мне приносят, прежде любых других бумаг.

Осталось упомянуть встречи с иностранцами, норвежцами и финнами, прежде всего, которые, учуяв запах Штокмановского газо-конденсатного месторождения, ринулись подписывать с нами всевозможные договора о научном и образовательном сотрудничестве, а также душеспасительные встречи с родителями отчисляемых студентов и курсантов (в дни, когда я ректора замещаю).

Последним, кстати, обычно предлагают перевод на платное обучение с возможностью оставления на второй год в случае академической неуспеваемости. Не хотят – нет, мол, такой финансовой возможности. Так, ёлки-палки, заставляйте своих оболтусов тогда хотя бы на занятия ходить!

Формально мой рабочий день заканчивается в 17.30. Во всяком случае в это время уходят домой секретари, если их не попросят задержаться ректор или кто-либо из проректоров. У меня же в это время наступает некий перерыв, передышка, когда я выпиваю чашку кофе с принесёнными из дому бутербродами с горбушей или сёмгой вкупе с парой рюмок коньяку. Теперь можно осмотреться и спокойно ответить своим корреспондентам. Володе Аксёнову, например. Или Володе Опекунову. Или вообще самому что-нибудь для «Записок» написать. (Не сочинить, заметьте. Сочинительством я не занимаюсь, при всём уважении к сочинителям.)

Часикам к 19 я обычно уже выдыхаюсь, честно отработав свои восемь, а на самом деле и больше часов. Раньше (ещё не более года назад) я возвращался домой к обеду-ужину с обязательными 0,5 литра пива «Кольского» с копчёной мойвой и тремя рюмками водки. В результате меня замучили изжога и Сашулины опасения, что я спиваюсь. От мойвы и плотного ужина, в итоге, пришлось отказаться. Перешёл на красное вино перед сном, что, однако, не уменьшило Сашулиных опасений на тот счёт, что я спиваюсь, ибо дозы сухого красного вина у меня порой (особенно во время и после трансляций футбольных матчей «Зенита») до литра доходят. Кстати, и в Испании, и в Италии, и в Париже принятый мною литр красного сухого вечером Сашулю особенно не беспокоил.

Дебаты на эту тему ведутся уже не первый год, но я ещё, как мне кажется, не спился. Да и не собираюсь. Мои алкогольные дозы – такой же элемент борьбы за здоровье, как и утренние зарядка, контроль веса и давления.

У Сашули, среди прочих, есть такой аргумент против моих выпивок: - У тебя глаза в разные стороны смотрят и связность речи нарушается, когда ты лишнее выпьешь!

На что я отвечаю: - Готов молчать в пьяном виде!

Я пью, на самом деле, снотворные дозы, а не для витийства. Это в молодости мне для куражу, для задору рюмки не хватало порой. А теперь-то зачем? Только, чтобы, напротив, возбуждение снять, поспать спокойно и к утру проснуться готовым к зарядке и прочим подвигам.

Письмо Володи Аксёнова Олегу Румянцеву (копии мне, Биненко, Ефремовой, Киселёву, Черноусу, Яковлеву) от 16 декабря 2007 г.

On Sat, 15 Dec 2007, Олег Васильевич wrote:

> А в общем, Васятка, чувствуется, что жизнь пошла по п-ому кругу и нет ничего нового. Ошибся бородатый еврей - может где-то спираль, а у нас - круг.

Причём zelo малёсенького диаметру. До коллапсу - рукой подать.

> Я уж не говорю про подпись в графе "к выдаче на руки".

Васюль, уже достали, две из трёх заставляют повторять

> Одно радует - внук меньшОй (ему - 3,5) по-русски уже много понимает.

И у меня радость. Звонит внучок - отец как-то узнал о подаренном мной компе и обещает разбить его молотком, а внуку переломать руки.

- Мол, чё делать?

Я изложил варианты и предложил определиться.

На другой день возникает сыночек, сходу обсирает меня с головы до ног и требует не вмешиваться в воспитательный процесс. Я посоветовал ему продолжить движение в означенном мною несколько лет назад направлении.

Докладаю внуку. Он мне - это ваши проблемы, а нам и так хорошо...

Время, Вась, собирать камни...

> А год, старина, катится к завершению. Кого ждешь в гости, кроме виртуального президента и Снегурочки? Закупил ли алкОголь?

Намгаладзе сообщил, что будет в Сестрорецке с 24.12 по 4.01 со всей семьей и всенепременно заскочит.

Васёк, может, подскочишь на халюву (хучь Николаем II, хучь с постылой женой) на недельку. Отработашь посыльным в ближайший лабаз, ежели домработница не справится. Устроим маленький симпозиум с коллоквиумом... Посуду мыть опосля посиделок определю бывшую любовницу (интереснейшая в моей жизни баба), которая умнее меня, за что и была лет 35 назад отвергнута. Склоняет меня на зарубежные вояжи. Я - если в коляске будет возить. Согласная.

У меня, Вась, опасения, что "Завтра" может и не быть. И лучше перебдеть, чем наоборот...

А это тебе от Намгаладзе:

Пиво ПИТ – это вам не водку ЖРАТ.

Две бутылки – достаточно, но три – заманчиво.

Пить за чужое здоровье, теряя своё – как это самоотверженно!

Любить водку, халюву, революции и быть мудаком – этого ещё не достаточно, чтобы называться русским.

Душа просит ананасов в шампанском, организм требует водки.

Ах, как много выпито не нами.

Из бутылки много не нальёшь.

Каждый человек имеет право на своё хмурое утро.

Меру то мы знаем, но разве её выпьешь.

Алкоголик – это человек, который точно знает, чего хочет.

Рассол – напиток завтрашнего дня.

Если нас отчислят с института, то мы сдадим бутылки и поступим на платное отделение.

Немецкая национальная поговорка: «Морген гутен не бывает».

От долгого стояния водка не портится, но лучше не рисковать.

Алкоголизм – это когда пить не хочется, но надо.

Алкоголик не думает – он соображает.

Алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах.

Алкоголь нужно принимать таким, какой он есть.

Быстро выпитый стакан не считается налитым.

В вине мудрость, в пиве сила, в воде – бактерии!

- Водку пьёте? – Пью, доктор, не помогает!

Вот что плохо в питье водки с утра – трудно будет провести день разнообразно.

Живёшь – хочется выпить, выпил – хочется жить!

Когда пьёшь, нужно знать меру. Иначе рискуешь выпить меньше.

Красное вино полезно для здоровья. А здоровье нужно, чтобы пить водку.

Люди, которые думают, что «пить надо больше», и те, которые думают, что «пить надо меньше», сходятся в одном: пить – надо.

- Мужик, самогон варишь? – Зачем? Так пью...

Нужно сразу брать три, чтобы потом не бегать за второй.

Поздно выпитая вторая – зря выпитая первая.

Пошлешь дурака за бутылкой, так он, дурак, одну и принесёт.

Хуже водки лучше нет!

- Эй, мужики, вы откуда будете? – Мы?! Да мы даже из горла будем!

Люблю - и точка. Не дашь - зарэжу (как говаривала Лизавета)

Старик

Письмо Виталия Киселёва Володе Аксёнову (копии мне, Биненко, Ефремовой, Румянцеву, Черноусу, Яковлеву) от 18 декабря 2007 г.

Друзья мои, меланхоличный тон ваших брюзжательных писаний может подействовать угнетающе и на ваших же читателей-адресатов. Я понимаю, что в декабре и солнца маловато, и авитаминоз начинает свою разрушительную работу, но с этим надо как-то бороться.

Окуджава писал, что "нет для печали причин", и, по-моему, он таки прав. Если не хочется идти в солярий или там в аква-парк, то выпей бутылочку красненького сухого (вполне приличны вина из Хунгарии). И часть проблем будет решена. Правда солнце будет не снаружи, а внутри тебя, но зато вместе с витаминами и очень полезными микроэлементами.

Про N-ые круги даже совестно читать. Ведь каждая наша совместная N-ая встреча - это всегда НОВАЯ встреча и на НОВОМ N-ом уровне. Или на N+1-ом. Вот в новогодние праздники было бы очень неплохо организовать такую встречу, если, конечно, заинтересованные лица окажутся в граде св. Петра.

С громадным удовольствием присоединюсь к такой встрече, если буду своевременно об одной проинформирован.

Старик, не забывай, что кроме мыла существует ещё и телефон, даже мобильный есть.

Всем большой привет

Искренне ваш

Виталий Киселев

mailto:abhoc@abhoc.com

www.abhoc.com

18 декабря 2007 г., Мурманск

Наш Митя, похоже, разучился уже по-русски выражаться. Прислал письмо, в котором пишет: «Не мог бы ты, пожалуйста, удалить из Интернета следующие абзацы...» Этот необычный для русского языка оборот «**Не мог бы ты, пожалуйста, удалить ...**», эквивалентный английскому «could you please remove ...», вместо русского «**Удали, пожалуйста ...**» или «**Не мог бы ты удалить ...**», но тогда уж без «пожалуйста», меня как-то даже умиляет, хотя и грустно становится: мы тут иностранные языки учим, а сын свой родной забывает.

А теперь опишу служебные переживания последних дней.

Тут недавно по просьбе Балаганского собирался весь его Издательско-полиграфический центр для встречи со мной и Деркач, как стоящим над Балаганским начальством, чтобы обсудить накопившиеся проблемы. Проблемы известные – почему одним платят больше, чем другим; чей профессиональный уровень выше; когда улучшатся условия труда; что входит, а что не входит в служебные обязанности, в частности, почему верстальщиков отдела книг и брошюр заставляют заниматься вёрсткой университетской газеты и т.д., и т.п.

С большинством этих проблем я разбирался в конкретных ситуациях с конкретными действующими лицами, а тут решил изложить некие свои обобщающие принципы, и в первую очередь разъяснить, что нехорошо заглядывать в чужие расчётные листки – это всё равно как чужие письма читать. Люди все разные, и способности и квалификация у них разные, а, соответственно, и производительность труда, его эффективность тоже разные, так чего же это зарплата должна быть одинаковой? А уж кому какая – это, извините, дело начальства. Главное - чтобы условия трудового договора соблюдались, вот за это, пожалуйста, боритесь, если они не соблюдаются.

Но оказалось, что у редакторов главным вопросом было низкое качество рукописей монографий и учебных пособий, приносимых авторами, из-за которого они не укладываются в нормативные сроки подготовки рукописей к печати.

- Профессора, доктора наук, и такое приносят! – возмущалась наиболее опытная из редакторов Татьяна Вениаминовна Анисимова. – Вы только посмотрите, мы с собой образцы их творчества взяли!

- Верю, - отвечал я со вздохом. – Я как главный редактор нашего «Вестника МГТУ» насмотрелся на их писания, точнее, начитался. Большие там проблемы и с русским языком, и с логикой, и со смыслом, и с оформлением. Но, к сожалению, других авторов у нас нет.

- Но что же делать? Так же нельзя! Ведь это же позор будет для университета, если мы будем их пропускать!

- А Вы и не пропускайте. Заворачивайте рукописи, заставляйте их самих переделывать. Три галки поставили на полях и – хорош! Пусть забирают на переработку. У нас в «Вестнике» такая практика себя давно уже оправдала.

- А они говорят, что мы – редакторы – не специалисты, ничего в их науке не понимаем, а берёмся их учить.

- Ну, тогда ко мне приходите со спорными вопросами, я помогу разобраться.

Анисимова и на следующий день ко мне приходила вместе с Балаганским, настойчиво требуя от него и меня, чтобы мы посмотрели на авторские огрехи, примеры которых она специально принесла показать, и очень обиделась на нас обоих за то, что мы смотреть не захотели, - знаем, мол, и так, а на меня ещё и за то, что я не хочу учить авторов грамотно писать свои монографии и учебники.

Я ей: - Сами же говорите, они все кандидаты и доктора наук, доценты и профессора, как же я их учить буду! У меня других обязанностей хватает. Это вы лучше не пропускайте то, что логике, здравому смыслу и правилам русского языка противоречит. Будут же протестовать – ко мне обращайтесь. Вот так мы вместе чему-нибудь их, может, и научим.

Тема получила неожиданное продолжение на последнем Учёном Совете, который вёл я, замещая уехавшего в командировку ректора. В повестке дня среди прочих были вопросы о рекомендации к печати нескольких монографий и присвоении грифа «допущено Учёным Советом МГТУ в качестве учебных пособий» нескольким рукописям. Перед обсуждением этих вопросов я выступил с пересказом жалоб редакторов на авторов, и тут же получил отпор от авторов в лице декана экономического факультета Савельевой и проректора Панкратова:

- Эти редакторы слишком много на себя берут! Что они в науке понимают! У всех рукописей же есть научные рецензенты и рекомендации кафедр!

- Увы! К сожалению, не секрет, что авторы сами рецензии пишут, а рецензентов просят только подписаться. И редакторы же не по научной сути замечания делают, а по стилю изложения и оформлению рукописи. И при том наплыве рукописей, который связан с грядущей комплексной проверкой нашего вуза, редакторам просто не справиться с их обработкой без помощи авторов, - вступился я за редакторов.

Приступили к вопросам о рекомендации к печати.

Дубровин представляет монографию «Биохимические особенности Баренцевоморского ежа *Strongylocentrotus droebachiensis* и аспекты комплексной его переработки».

Я спрашиваю: - А у этого ежа, что – русского имени нету? Зачем эта смесь нижегородского с французским, извините, с латынью в заголовке?

- Русского наименования нет, поскольку в Баренцевом море около ста видов морских ежей водится, но только два из них пригодны для переработки. Одному из них конкретно и посвящена эта монография.

- Ну, для двух-то видов можно было бы и русские названия придумать какие-нибудь сокращённые. Неужели переработчики так их по латыни и именуют? Язык

сломаешь, пока выговоришь. Ладно, попросим редакторов вместе с авторами название как-нибудь укоротить и сделать менее труднопроизносимым.

Следующую монографию «Традиционные и инновационные технологии продуктов из печени гидробионтов» представляет Петрова.

Немыченков вопрос задаёт: - Гидробионты – это любые биологические обитатели водной среды, водоросли, например. А разве у водорослей есть печень?

Петрова опешила от неожиданности. В самом деле, не знает, что и сказать.

Тут я подключился: - А у продуктов разве есть технология? Технологии бывают у процессов. Например, технология приготовления или переработки продуктов (соления, копчения, вяления, жарения и т.п.). А у продуктов есть только свойства их физико-химические.

Дубровин вмешался в дискуссию: - У технологов просто принят такой термин – технология продуктов. У нас и кафедра так называется – ТПП – кафедра технологии продуктов питания.

Я возразил: - Кафедра-то, может, так и называется, только с точки зрения русского языка словоупотребление здесь неправильное. Ладно, попросим наших редакторов помочь авторам поправить название их монографии.

Следующую две монографии представляет Неклюдов. Первая – «Идентификация судовых комплексов с использованием методов планирования активного эксперимента».

- О каких судовых комплексах речь-то идёт? – спрашиваю я. – На судах ведь много разных комплексов.

- О комплексах «судно-трал».

- А-а. Кто бы мог подумать. А какая идентификация имеется в виду? Обнаружение их пограничниками, что ли?

- Нет, это в математическом моделировании такой термин используется.

- Ну, вот, попробуй догадаться из названия, о чём речь в монографии идёт. А название должно быть компактным и информативным, таким, чтобы даже этому Баренцевоморскому ежу было понятно, о чём монография.

Народ развеселился.

Следующая монография – «Системный подход в управлении учебным процессом». Спрашиваю: - А бессистемный подход в управлении учебным процессом бывает?

Неклюдов горестно так вздыхает и отвечает: - Бывает, к сожалению.

- Так в монографии-то о каком конкретно подходе говорится? Они ведь все нынче системные, системность – это общее место, а о бессистемных чего писать? Ладно, попросим редакторов с авторами разобраться.

Перешли к учебным пособиям.

Середа вопрос задаёт: - Вот тут пособие Кассирова «Философия природы П.А.Кропоткина». Это что за «природа Кропоткина» такая? Что автор имеет в виду?

Кассирова нет, и я за него отвечаю: - Это как казнить нельзя помиловать. Наверное, имеется в виду философия природы в трудах Кропоткина. Это редакторы у Кассирова выяснят.

Короче, члены Учёного Совета, надеюсь, поняли, о чём наши редакторы (и я с ними заодно) горюют. Другое дело, насколько от этого редакторам станет легче. Но, по крайней мере, хоть какая-то «учёба» авторов, которую от меня требовала Анисимова, состоялась.

19 декабря 2007 г., Мурманск

Кстати, в этот же самый день и в те же часы я вместе с ректором должен был участвовать в заседании Координационного Совета при Правительстве Мурманской области по научно-технической и инновационной политике, членами которого мы являемся. Но ректор в командировке, я наш Учёный Совет вместо него должен

проводить, и в правительство я послал своего зама Светлану Деркач – посидеть там, послушать, в прениях выступить по программе научно-технического обеспечения экономического развития области на 2008-й год.

Деркач, вернувшись оттуда, высказала мне рассерженным тоном крайнее своё неудовольствие:

- Александр Андреевич! Так дела не делаются! Я, оказывается, там должна была доклад делать вместо Ершова о научных планах МГТУ, а мне никто ничего не сказал! Мне пришлось без подготовки выступать, у меня даже бумажек с собой никаких не было!

- Светлана Ростиславовна! Христом Богом клянусь, что вот от Вас только что услышал, что Александр Михайлович там должен был выступать! Ни он мне ничего перед своей командировкой не сказал, ни в повестке из правительства никаких фамилий не было указано, только темы обозначены, ни по телефону они мне ничего не сказали, записали только Ваши фамилию, имя, отчество и всё. Но Вы же справились! Молодцом! Хвалю! Правильного я, значит, себе зама выбрал.

- Не надо меня хвалить, выдайте лучше деньгами.

- Сколько скажете! Вот были бы Вы мужиком, я бы Вам бутылку поставил...

- Ладно. Сочтёмся.

А ещё из служебных развлечений стоит упомянуть моё расследование процесса закупки чернил для моей паркеровской ручки, подаренной мне к какому-то дню рождения от нашей кафедры физики. Я предпочитаю подписывать бумаги этой ручкой из-за мягкости её пера, не требующей никакого нажима. И вот чернила кончились. Конкретно в четверг, 29 ноября. Прошу Оксану: - Раздобудь мне чернила, пожалуйста.

На следующий день спрашиваю её: - Ну, как там с чернилами дела обстоят?

Отвечает: - На складе нет, такой ручкой только Вы один пользуетесь, надо покупать. Я заявку в ПФО подала.

Ладно, гелиевыми ручками тоже можно подписывать. Подождём.

В понедельник интересуюсь: - Ну, как чернила?

Оксана рапортует: - Процесс идёт. Работаем.

В понедельник на малом ректорате говорят о медленном продвижении процесса закупки компьютеров. Я замечаю:

- Чего там компьютеры! Я вот чернил для своей ручки с четверга дожидаться не могу.

Мне сразу: - А Вы сами, Александр Андреевич, не можете себе чернила купить? Сколько они стоят?

- Да я не хожу мимо магазинов канцтоваров! И с работы возвращаюсь, когда все промтоварные магазины закрыты. И Оксану послать не могу, она сейчас одна в ректорате крутится. Да и не в чернилах дело-то! Я и без них обойтись могу. А вот как наши службы снабжения работают, мне интересно понаблюдать. Если уж проректору оперативно чернил купить не могут, то представляю, каково рядовым завлабам приходится какие-нибудь инструменты приобретать.

Чернила мне Оксана принесла в понедельник, 10 ноября. Одиннадцать дней я их ждал.

Попросил Оксану написать объяснительную записку, в которой весь процесс описать – кому, когда, какие рапорты она подавала, кто, что и когда отвечал. На её записке я начертил: «Закондырину М.В. (проректору по АХЧ), Фёдоровой М.В. (начальнику УЭФ), Кобзеву И.Н. (начальнику ТО – технического отдела службы снабжения) – дать объяснения».

Накропали они мне объяснения. Я их собрал всех вместе с Оксаной и устроил разбор полётов.

Оказалось, что:

- а) 29 ноября Оксана первый рапорт зря в ПФО понесла и не так его написала;
- б) но в ПФО ей не подсказали, как действовать;
- в) из ПФО её рапорт 30 ноября ректору переправили;
- г) но 3 декабря ей велели рапорт из папки ректора изъять и новый написать о выдаче денег под отчёт;
- д) ректор новый рапорт подписал 4 декабря;
- е) и в тот же день он был передан на исполнение в бухгалтерию;
- ё) экспедитор деньги получила 6 декабря;
- ж) чернила купила 7 декабря;
- з) Оксана их получила и мне передала 10 декабря.

Я, конечно, по каждому из этих пунктов высказался и выругался (но не злобно). В дискуссии с участниками процесса выяснилось, что у них главная проблема – в получении наличных денег, которых обычно в кассе нет, нужно в казначействе заранее заказывать. Я тут же предложил им решение: ректор выписывает Закондырину или Кобзеву премию нужных размеров, из которой те и выдают деньги экспедитору под отчёт на покупку мелочёвки, а бухгалтерия возвращает их по предъявленным кассовым чекам. Разумеется, я услышал возражения, но не серьёзные. Закондырин, например, напирал на несовершенство нашего законодательства.

- Думать Вам лень, вот в чём беда. Законодательство-то мы поменять не можем, а приспособиться к нему – надо головы напрягать.

Не знаю, поможет ли моё разбирательство улучшить работу службы снабжения, на которую все жалуются, а поделаться ничего не могут. «Корова даёт молоко, а индюк не может. Как бы он ни старался».

Осталось рассказать, как я с одним нашим пьяным охранником воевал, когда тот не пропускал в выходной день мою машину в университетский двор. Я на машине-то крайне редко на работу езжу, а тех, кто регулярно ездит, он, конечно, на память знает. И вот тут какая-то «четвёрка» жалкая перед воротами стоит, а в ней мужик какой-то попростецки одетый...

Охранник даже из будки выходить не захотел. Он, по-моему, там как раз и поддавал в это время у себя в будке. Пришлось мне из машины вылезти и к нему с пропуском подойти. А ему и пропуск мой спяну не понравился – старого, мол, образца, сейчас другие пропуска. А этот я, мол, изымаю.

Пришлось старшего по вахте вызывать, который мне ворота открыл, а с тем, кто мне их не открывал, пришлось потом у себя в кабинете общаться, где он в совсем другого человека превратился. Даже жалко его стало.

- Бес попутал. Не узнал. Простите. Больше такого не повторится.

Чуть не плачет. Отдел кадров за него заступился: - Всё ведь по пьяни, а где других-то взять?

Замечание ему объявили. Даже не выговор, поскольку до этого взысканий не имел. Теперь меня хорошо запомнил и сверхприветливо здоровается.